Е.С. ДАНИЛКО

ИЗ ИСТОРИИ ЕДИНОВЕРИЯ НА УРАЛЕ

Введение единоверия, предпринятое при Екатерине II как один из способов легализации старообрядчества и включения его на правах относительной автономии в православное церковное управление, имело некоторые особенности на Урале. Так, яицкие казаки, охранявшие восточные окраинные рубежи, в числе прочих вольностей издавна пользовались и вольностями религиозными. В духовном отношении подчинялись они не губернской консистории, а протопопу Михаило-Архангельского собора Уральска, выбиравшемуся из казачьей среды и обладавшему при этом неограниченной личной властью (1).

Только в 1748 г. стараниями возглавлявшего казанскую кафедру Луки Конашевича яицкое войско было прикреплено к Оренбургскому духовному управлению. В 1754 г. в Яицкий городок с указанием явиться к исповеди и причастию, а также для переписи направлялся оренбургский священник Василий Иванов. Категорично настроенный Конашевич, отрешив выборного казачьего духовника, готовился назначить другого даже насильственными мерами. Однако оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев, опасаясь бунта и памятуя о недавних старообрядческих гарях в Исетской провинции, передал дело в Военную коллегию, которая рассмотрела его в пользу казаков (2).

Существующая практика избрания протопопов из казаков для ведения служб по старому уставу была подтверждена в 1795 г. специальным указом императрицы. Всего в ведении уральского протопопа находилось к тому времени 7 церквей: 4 в г. Уральске и по одной в городках Илек, Сакмарск и Калмыков. Такие церкви стали называться единоверческими и числиться при местной епар-

---

Данилко Елена Сергеевна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

хии. Через несколько лет число единоверческих церквей в Уральске выросло до 6. Однако, несмотря на это, большинство казаков продолжало тайно придерживаться старообрядчества и не прерывало связи с Иргизскими монастырями (3).

О непопулярности единоверия среди казаков говорят и сохранившиеся архивные документы. В казачьих военных ведомствах (Уральском и Оренбургском) существовала налаженная система контроля за конфессиональной принадлежностью личного состава войск. Ежегодно в губернскую администрацию предоставлялись так называемые «Ведомости о движении раскола», где помимо общего числа старообрядцев в казачьем сословии по уездам и отдельным посёлкам приводились статистические сводки об их прибытии и убытии («движении»). Указывалось также количество заведённых за год следственных дел с перечнем религиозных преступлений казаков. Так, для примера, только в 1848 г. было осуждено «за вероотступничество 20 старообрядцев, «упорство в некрещении своих детей» – 99, за «отрицательство от данной подписи, коими обязались состоять в православии» – 18, за «уклонение из православия в раскол» – 290, за «неповиновение правительству в принятии единоверческого священника» – 2 (4) и т.д. А в 1851 г. под следствием находилось более 540 казаков (5). Все перечисленные виды «преступлений» были связаны с введением единоверия. Заподозренные в расколе казаки отсылались в духовное правление, чтобы там им могли «сделать об оставлении оного увещевание» (6).

Массовое обращение в единоверие сделалось возможным лишь во второй половине XIX в., когда Иргиз прекратил своё существование как старообрядческий центр. Отсутствие священников создало для казаков безвыходную ситуацию, которой поспешил воспользоваться наказной атаман Уральского казачьего войска А.Д. Столыпин. Он немало поспособствовал тому, чтобы перестали действовать Сергиевский и Бударинский скиты. На организованных им собеседованиях Столыпин сделал предложение старообрядцам принять священников, рукоположенных православным епископом, оставив неизменным порядок службы. Первой такой церковью стала Никольская, которая «в народе считалась истинною, имела священников, совершающих правильно все службы, народ привык чтить её как самую святую и уподобленною

древним храмам; сам атаман посещал её и молился истово и руку на себя так накладывал, чтобы сзади его стоявшие видели двуперстное сложение» (7). Таким образом, именно период описываемых событий (1858–1859) можно считать временем окончательного утверждения единоверия в Уральском казачьем войске.

Помимо области проживания уральских казаков наибольшее распространение единоверие получило в Зауралье, среди поповцев Челябинского уезда. В 1826 г. здесь был рукоположен первый единоверческий священник И. Никольский, общее число его прихожан составляло 1500 человек, которые проживали в 24 деревнях. В 1829 г. появилась и первая церковь в с. Сладкие Караси (8). В 1849 г. в целях противодействия расколу был основан Златоустовский единоверческий монастырь, у его истоков стоял бывший инок Иргизской обители иеромонах Иоанн, выходец из крестьян с. Ярославки Оренбургской губ. (в миру Василий Фёдорович Гордеев). Хотя впоследствии было выяснено, что «община эта (братия монастыря. – *Е.Д.*), прикрываясь знаменем единоверия, придерживается уставом Епифаниева согласия, занесённого раскольниками, поселившимися по р. Иргизу, Кинешме, Кинели во времена Екатерины II» (9).

Всего во второй половине XIX в. в Оренбургско-Уфимской епархии насчитывалось 23 единоверческие церкви: в с. Сикияз и Куяштырь Бирского уезда, в с. Верхне-Троицком Белебеевского уезда, в г. Златоусте, 10 церквей в Уральском уезде и 4 – в Челябинском (10).

Показательным примером отношения старообрядцев к введению единоверия может послужить ситуация, сложившаяся в Уфимской губ. на Троицких и Усень-Ивановском заводах. Заводы эти, построенные Иваном Осокиным в 1750–1760-х годах, практически полностью были заселены старообрядцами (беглопоповцами), привезёнными преимущественно из Балахнинского уезда Нижегородской губернии (11). В 1830 г. по просьбе крестьян оренбургский гражданский губернатор разрешил проживавшему в Верхне-Троицком заводе попу Филимону Никитину исправлять требы у «раскольников», подчинив его губернскому начальству (предписание от 17 июня и 30 октября 1830 г.). А в мае 1838 г. вышло специальное распоряжение Главного начальника Уральских заводов о том, чтобы «не дозволять раскольникам иметь раскольничь-

их попов, а предоставляется им искать и просить для себя лишь священника на правах единоверческих» (12).

После смерти священника Филимона Никитина старообрядцы этих сёл (1464 душ мужского и 1548 души женского пола) дали доверенность крестьянину Василию Андрееву Миронову на ходатайство для них у епархиального начальства священника из с. Рязановки Ильи Феофанова. Однако, как следует из рапорта управляющего заводами фон Кванска к заводскому исправнику, подписи под документом о согласии на единоверческого священника поставили только 300 человек.

В ответ на просьбу старообрядцев им было предложено «всем обществом вступить в союз со святою церковью хотя бы на правах единоверия и построить храм». Старообрядцы согласились, выдвинув своё условие о постепенности такого перехода: «не вдруг, а постепенно, ибо сильный переворот привычки их скорыми мерами для них тяжело» (13).

В 1842 г. Илья Феофанов был командирован к старообрядцам, а в следующем году он поставил другим священником некоего Бриева, который стал исполнять требы и вести службы по старопечатным книгам (14). Однако уже в 1847 г. в Оренбургскую духовную консисторию поступил донос, где говорилось о том, что заводские крестьяне «уклонились в секту беспоповскую, отторгнувшись от Бриева, и избрали из своей среды наставников. В Нижнетроицком Семена Русакова, Усень-Ивановском Василия Смородинова и д. Васильевский Рудник Семена Кигаева». В доносе сообщалось и о необходимости изъятия у раскольников Святых Даров, каковые хранятся в доме у Русакова. При последовавшем вскоре обыске дарохранительницы и ящики со Святыми Дарами действительно были обнаружены (15).

Благочинный единоверческих церквей Темников предпринял попытку урегулировать конфликт, устроив беседу со старообрядцами и уговаривая принять православного священника на правах единоверия. Однако старообрядцы упорствовали, аргументируя отказ тем, что ничего не знали о высочайшем повелении 1838 г. и считали, что «дали доверенность Миронову о приискании священника на правах старообрядческих и считали священников Феофанова и Бриева старообрядцами, когда же узнали, что они единоверцы, отказались от них» (16). Аргументация, как видим, до-

вольно неубедительная, однако старообрядцы упорно держались этой версии, не принимая никаких компромиссов.

Выяснение обстоятельств дела «Об уклонении в раскол 3042 душ крестьян господина Бенардаки, владельца Усень-Ивановского, Верхне- и Нижнетроицких медеплавильных заводов» заняло много лет, оно сопровождалось многочисленными судебными заседаниями и опросом большого числа свидетелей. В итоге, в 1864 г. учитывая, что высылка в соответствии с существующим законодательством такого количества крестьян приведёт к остановке работы предприятий, Оренбургская палата уголовного суда вынесла приговор о прекращении следствия (17).

В период пока велось следствие по этому делу, старообрядцы Усень-Ивановского завода ещё раз продемонстрировали властям способность к активному сопротивлению, что, возможно, также повлияло на судебное решение. Так, в 1861 г. по отношению их было заведено ещё одно судебное дело «О принятии мер по преследованию и поимке появившегося в Усень-Ивановском г-на Бенардаки заводе раскольничьего попа». В документах говорится, что «в Усень-Ивановский завод г. Бенардаки неизвестно откуда приехал какой-то раскольничий поп, который исполнял разные требы и совершал браки между проживавшими здесь раскольниками, почему для поимки его земским исправником поручалось приставу 2-го стана Белебеевского уезда сделать секретный обыск в домах крестьян помянутого завода» (18). Пристав с казаками Оренбургского казачьего войска и понятыми (20 человек) приступили к обыскам, «но успели их сделать в нескольких домах, так как жители завода, узнав об этом, сделали тревогу и, около 200 человек, окруживши станового пристава и понятых с казаками, не допустили к дальнейшим обыскам, отняли арестованных ими крестьян и наделали грубостей и дерзостей, отзываясь тем, что они не знают, какой это чиновник» (19). Похоже, неосведомлённость как способ аргументации своей правоты перед властями местных старообрядцев вполне удовлетворяла. Ещё одно дело о поимке здесь беглого священника рассматривалось в 1874 г., усеньчане «насильственно освободили» арестованных властями священников и увезли их «неизвестно куда на приготовленных заранее лошадях» (20). По данным 1911 г., на этих заводах насчитывалось более 8 тысяч старообрядцев, единоверцев же не значилось (21).

Таким образом, на основании архивных документов, можно сказать, что введение единоверия не пользовалось широкой популярностью среди старообрядцев, вызывая либо активное сопротивление, как на горных заводах, либо принимая вынужденный характер, как среди уральских казаков. Однако достижение преследуемых властями целей и не было рассчитано на ближайший срок. «Действительное приобретение для православия произойдёт только в следующем поколении, которое не останется некрещённое», – писал казачий атаман А.Д. Столыпин (22). Трудно сказать, суждено ли было осуществиться этим планам, так как драматический для религии советский период их серьёзно скорректировал.

Вместе с тем, как показывают полевые исследования, единоверие, наряду с другими факторами, всё же оказало влияние на современный уровень и характер религиозности уральских старообрядцев. Как известно, развернувшиеся в постперестроечный период процессы религиозного возрождения протекают в официальном православии гораздо динамичнее, чем в старообрядчестве, в силу известных причин: большие материальные возможности Московского Патриархата, поддержка со стороны государства. В этой связи в некоторых сёлах Оренбургской области (в частности, в бывшей казачьей станице Илек) восстанавливаются именно приходы Русской Православной Церкви, хотя в начале века здесь доминировали старообрядчество и единоверие. Последнее обстоятельство не вызывает негативной реакции у жителей села, так как конфессиональная самоидентификация их довольно расплывчата. Немногие могут вспомнить, что их предки принадлежали к старообрядчеству («австрицкой вере»), называют себя православными и посещают службы в новой церкви. Здесь они нередко сталкиваются с неприятием со стороны духовенства и даже обвинениями в расколе, так как отдельные элементы обряда выполняют «нетрадиционно», «по-своему», крестятся двоеперстно, кланяются земными поклонами, используют самодельные лестовки и т.д.: «Он (местный священник. – *Е.Д.*) мне говорит, ты, говорит, раскольница, это потому что я двумя перстами молюсь. Как же так? Наши предки все так молились и в церкву ходили православную, ещё как-то её называли ту церкву, единая что ли» (23).

В другой станице – Затонной, где церкви нет, пожилые люди

собираются по церковным праздникам для проведения служб в одном из частных домов. Одна часть опрошенных нами верующих относит себя к православным, другая – вспоминает, что они из «астрицких». Однако и те, и другие уже затрудняются объяснить различия между ними и не видят ничего предосудительного в совместных богослужениях, которые стали практиковаться в советский период после закрытия церквей. Препятствий для этого верующие не видели: *«Молились мы одинаково, и церкви у нас тоже одинаковые были»* (24). Здесь бытует традиция пения духовных стихов, используются старообрядческие иконы, нередко соседствующие на одной полке с «мирскими».

Ещё один пример, в д. Кабаевка Северного р-на сохраняется небольшая старообрядческая община (Древлеправославная Церковь), состоящая в основном из пожилых женщин, одна из жительниц деревни, слывущая грамотной молитвенницей, держится от общины особняком, там её называют «мирской», не старообрядкой. Сама она говорит о своей принадлежности к старой вере, но не считает, что различия между верами слишком велики и непреодолимы: «Сначала всё село было старообрядческое, потом стали все мирскими, когда обосновали церковь. Но молились в этой церкви по старым книгам, по старому уставу, правильному. Единоверческая, говорили, церковь. Родители не пускали туда сначала. Разницы в службе нету. Я вот иконы покупаю и в старообрядческой церкви в Бугуруслане, и в мирской. Каких нету, а нужны, покупаю там и там» (25). Можно привести и другие примеры такого рода.

Таким образом, в сёлах Оренбургской губернии, где одновременно действовали старообрядческие и единоверческие общины, православие существовало в той форме, когда различия в обрядовой стороне двух церквей практически отсутствовали, что способствовало процессу их постепенного естественного сближения. Последним толчком для окончательного стирания идеологической границы стала атеистическая политика советского времени. Для верующих, лишённых возможности открытых проявлений религиозности, существовавшие разногласия между старообрядчеством и единоверием утратили свою остроту и актуальность, перестав служить как препятствием для совместных богослужений, так и предметом для рефлексии. В настоящее время потребность

в религиозном самовыражении для местных жителей остаётся достаточно сильной, но возможность её реализации представляется только в рамках официальной церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернавский Н.Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып.I. Оренбург, 1900; Вып.II. 1901–1902. С.113, 158.

2. Там же. С.161, 170.

3. Там же. С.171–172.

4. Центральный государственный архив Оренбургской области (ЦГАОО). Ф.6. Оп.13. Д.3503/I. Л.34об.–35.

5. Там же. Л.33об.–34.

6. Государственный архив Челябинской области. И.33. Оп.1. Д.3827. Л.1–1об.

7. ЦГАОО. Ф.167. Оп.1. Д.30. Л.73.

8. Чернавский Н.Н. Указ. соч. С.342.

9. Там же. С.990.

10. Там же. С.648–649.

11. Зеленин Д.К. Черты быта усень-ивановских староверов // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. 1905. Т.21. Вып.3. С.204.

12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). И-6. Оп.2. Д.139.

13. Там же. Л.28.

14. Там же. Л.29.

15. Там же. Л.31.

16. Там же. Л.35.

17. Там же. Л.19–35.

18. ЦГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.432. Л.1.

19. Там же. Л.1об.

20. Там же. Оп.15. Д. 1159/1. Л.14.

21. ЦГИА РБ. И.9. Оп.1. Д.906. Л.7.

22. Чернавский Н.Н. Указ. соч. С.854.

23. Полевые материалы автора. 2001 г. С. Илек одноимённого р-на Оренбургской обл.

24. Там же. 2001 г. Д. Затонное Илекского р-на Оренбургской обл.

25. Там же. 2005 г. Д. Кабаевка Северного р-на Оренбургской обл.